
Е.Абелюк

В какие игры с нами играют поэты?

26 марта 2017

Игры с взрослым читателем: стихи-крипты

Хранить любовно «да!»
Могу ли я теперь?
Не буду никогда.
Любить тебя, поверь!

Я обещала вечно.
на свете жить одна,
кокеткой бессердечной
веселье пить до дна.

*Николай Николаевич Шultzговский (1880-1934?) - поэт, стиховед.
Поэтические сборники: «Лучи и грезы» (1912), «Хрустальный отшельник»
(1917) и др.*

Исчезнет злой Ваал и сгинет царство тьмы
Коммуны мировой взойдет, взойдет заря
Интернационал тогда восславим мы
Прогоним мы долой и бога и царя.

Автор не известен. Сообщено В.М. Алпатовым

Исчезнет злой Ваал
Коммуны мировой
Интернационал
Прогоним мы долой

И сгинет царство тьмы
Взойдет, взойдет заря
Тогда восславим мы
И бога и царя.

Виктор Лунин
Песенка жирафа

Мне лазать
Не приходится,
Мне прыгать
Не приходится.
Я самое,
Я самое,
Я длинное,
Я шеее,
Я само-
Длинно-
Шеее.
Длиннее
Шеи
Нет!..

Игры с читателем-ребенком: Г. Сапгир. Небылицы в лицах

- Здорово, Никодим!
- Здорово, Егор!
- Откуда идешь?
- С кудыкиных гор.
- А как у вас, Егор, поживают?
- На босу ногу топор надевают,
Сапогом траву косят,
В решете воду носят.
Наши сани
Едут сами,
А лошади наши - с усами,
Бегают в подполье за мышами.
- Да ведь это кошки!
- Комара тебе в лукошке!
Наши кошки живут в гнезде,
Летают везде.
Прилетели во двор,
Завели разговор:
"Кар, кар!"
- Да ведь это вороны!
- Мухомор тебе вареный!
Наша-то ворона ушаста,
В огороды шастает часто.
Скок да скок
Через мосток,
Белым пятнышком - хвосток.
- Да ведь это зайчишка!
- В нос тебе еловая шишка!

Нашего зайца
Все звери пугаются.
Прошлой зимою в лютый мороз
Серый зайчище барана унес. –
Да ведь это волк! –
По лбу тебя щелк!
Неужели никогда не слыхал ты,
Что волки наши рогаты?
Волк трясет бородой,
Пообедал лебедой. –
Да ведь это козлище! –
Щелчков тебе тыща!
Наш козел
Под корягу ушел,
Хвостом шевелит,
Ставить сети не велит.
-Да ведь это налим!
-Нет, не налим.
-Мы про налима не так говорим.
-Налим Никодим
-Гордится собою,
-Налим Никодим
-Носит шапку соболью,
-Ни перед кем ее не ломает
-И шуток тоже не понимает.

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.
Выскочила палка с бабою в руке
И давай дубасить коня на мужике.
Лошадь ела сало, а мужик овес,
Лошадь села в сани, а мужик повез.

Художник В. Вагин

Г. Сапгир. Небылицы в лицах

- Здорово, Никодим!
- Здорово, Егор!
- Откуда идешь?
- **С кудыкиных гор.**
- А как у вас, Егор, поживают?
- **На босу ногу топор надевают,**
Сапогом траву косят,
В решете воду носят.
Наши сани
Едут **сами,**
А лошади наши - **с усами,**
Бегают в подполье за мышами.
- Да ведь это **кошки!**
- Комара тебе **в лукошке!**
Наши кошки живут в гнезде,
Летают везде.
Прилетели во двор,
Завели разговор:
"Кар, кар!«
- Да ведь это вороны!
- Мухомор тебе вареный!
Наша-то ворона **ушаста,**
В огороды шастает **часто.**
Скок да скок
Через **мосток,**

Белым пятнышком - хвосток.

- Да ведь это **зайчишка!**
- В нос тебе еловая **шишка!**

Нашего зайца
Все звери пугаются.
Прошлой зимою в лютый мороз
Серый зайчище барана унес. –
Да ведь это волк! –
По лбу тебя щелк!
Неужели никогда не слыхал ты,
Что волки наши рогаты?
Волк трясет бородой,
Пообедал лебедой. –
Да ведь это козлище! –
Щелчков тебе тыща!
Наш козел
Под корягу ушел,
Хвостом шевелит,
Ставить сети не велит.
Да ведь это налим!
Нет, не налим.
Мы про налима не так говорим.
Налим Никодим
Гордится собою,
Налим Никодим
Носит **шапку** соболю,
Ни перед кем ее **не ломает**
И шуток тоже не понимает.

- «**Бывал да живал, на босу ногу топор надевал, топорищем подпоясывался...**»
- **Сами с усами;** К. И. Чуковский «Тараканище»: «Можем мы и **сами** шевелить **усами...**»
- «Знай **кошка** свое **лукошко**»
- «А кузнечик, а кузнечик, /Ну, совсем как человечек, /Скок, скок, скок, скок! /За кусток, Под мосток /И молчок!» (К. Чуковский. «Муха-Цокотуха»)
- «Уронила белка **шишку**, Шишка стукнула **зайчишку**»
- **По лбу тебя щелк!**
- Серый зайчище барана унес (загадка)

- **Небылица в лицах**, небывальщина, Небывальщина, да неслыхальщина: Еще сын на матери снопы возил, Всё снопы возил, да всё конопляны. Небылица в лицах, небывальщина, Небывальщина, да неслыхальщина: На гори корова белку лаяла — Ноги расширят да глаза выпучит. Небылица в лицах, небывальщина, Небывальщина, да неслыхальщина: Еще овца в гнезди яйцо садит, Еще курица под осеком траву секёт. Небылица в лицах, небывальщина, Небывальщина, да неслыхальщина: По поднебесью да сер медведь летит, Он ушками, лапками помахиват, Он черным хвостом тут поправливат. Небылица в лицах, небывальщина: Небывальщина, да неслыхальщина: По синю морю да жорнова пловут. Небылица в лицах, небывальщина, Небывальщина, да неслыхальщина: Как гулял Гулейко сорок лет за печью, Еще выгулял Гулейко^[1] ко печну столбу; Как увидел Гулейко в лоханке воду: «А не то ли, братцы, синё морё?»
- Как увидел Гулейко — из чашки ложкой шти хлебают: «А не то ли, братцы, корабли бежат, Корабли бежат, да всё гребцы гребут?» Небылица в лицах, небывальщина, Небывальщина, да неслыхальщина^[2].

■ ^[1] Гулейко — зд.: таракан.

- ^[2] Небылица в лицах // Былины: Сборник. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 359—360. (Б-ка поэта. Большая серия).

**Иван Топорышкин пошёл на охоту,
С ним пудель пошёл, перепрыгнув забор.
Иван, как бревно, провалился в болото,
А пудель в реке утонул, как топор.
Иван Топорышкин пошёл на охоту,
С ним пудель вприпрыжку пошёл, как топор.
Иван повалился бревном на болото,
А пудель в реке перепрыгнул забор.
Иван Топорышкин пошёл на охоту,
С ним пудель в реке провалился в забор.
Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
А пудель вприпрыжку попал на топор.**

Сформулируйте «правила» игры.

Даниил Хармс Сон Калугина

- Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.
Калугин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.
Калугин проснулся, положил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.
- Калугин проснулся, переменял газету, лег и заснул опять.
Заснул и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.
Тут Калугин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, будто он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.
Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.
- Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной.
А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.
Калугина сложили пополам и выкинули его, как сор.

Даниил Хармс Сон Калугина

- Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а **мимо кустов проходит милиционер**.
Калугин проснулся, **почесал рот** и опять заснул, и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а **в кустах притаился и сидит милиционер**.
Калугин проснулся, **положил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку**, и опять заснул, и опять увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов **проходит милиционер**.
- Калугин проснулся, **переменил газету**, лег и заснул опять.
Заснул и опять увидел сон, будто он **идет мимо кустов**, а в кустах **притаился и сидит милиционер**.
Тут Калугин проснулся и **решил больше не спать**, но моментально заснул и увидел сон, будто **он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты**.
Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.
- Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной.
А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.
Калугина сложили пополам и выкинули его, как сор.

КАК ВОЛОДЯ БЫСТРО ПОД ГОРУ ЛЕТЕЛ

На салазочках Володя
Быстро под гору летел.

На охотника Володя
Полным ходом налетел.

Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На собачку налетели.

Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На лисичку налетели.

Вот лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
И на зайца налетели.

Вот и заяц,
И лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На медведя налетели!

Как Володя
быстро под гору
летел

На салазочках Володя
Быстро под гору летел.

На охотника Володя
Полным ходом налетел.

Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят,
Быстро под гору летели –
На собачку налетели.

Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят,
Быстро под гору летели –
На лисичку налетели.

Вот лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят,
Быстро под гору летели –
И на зайца налетели.

Вот и заяц,
И лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят,
Быстро под гору летели –
На медведя налетели!

И Володя с той поры
Не катается с горы.

- Художники «эксплуатируют» сюжетность стихотворения и четкую последовательность эпизодов. Иллюстрации к отдельным звеньям сюжета объединены в один рисунок: постепенно к Володе присоединяются все новые и новые пассажиры. Такой принцип иллюстрации напоминает комиксы. Число пассажиров увеличивается по вертикали.
- Элемент интерпретации: на рисунках текст стихотворения оказывается горой, по которой съезжает Володя.
- Автор второй иллюстрации, как и Хармс, предоставляет додумать сюжет читателю/ребенку – ощущение игры и взаимодействия с текстом остается.
- Автор первого рисунка показывает, как он сам объясняет финал: Володя больше не катается с горы потому, что и он, и все его попутчики поломали руки, ноги и лапы.

Иван Иваныч Самовар
Был пузатый самовар,
Трехведёрный самовар.

<...>

Утром рано подошел,
К самовару подошел,
Дядя Петя подошел.

Дядя Петя говорит:
«Дай-ка выпью, говорит,
Выпью чаю», говорит.

К самовару подошла,
Тетя Катя подошла,
Со стаканом подошла.

Тетя Катя говорит:
«Я, конечно, говорит,
Выпью тоже», говорит.

Вот и дедушка пришел,
Очень старенький пришел,
В туфлях дедушка пришел.

Он зевнул и говорит:
«Выпить разве, говорит,
Чаю разве», говорит.
<...>

И подумав говорит:
«Что-ли, выпить, говорит,
Что-ли, чаю», говорит.

Вдруг девчонка прибежала,
К самовару прибежала —
Это внучка прибежала.

«Наливайте!— говорит,
Чашку чая, говорит,
Мне послаще», говорит.

Тут и Жучка прибежала,
С кошкой Муркой прибежала,
К самовару прибежала,
<...>

Вдруг Сережа приходил,
Всех он позже приходил,
Неумытый приходил.

«Подавайте!— говорит,
Чашку чая, говорит,
Мне побольше», говорит.

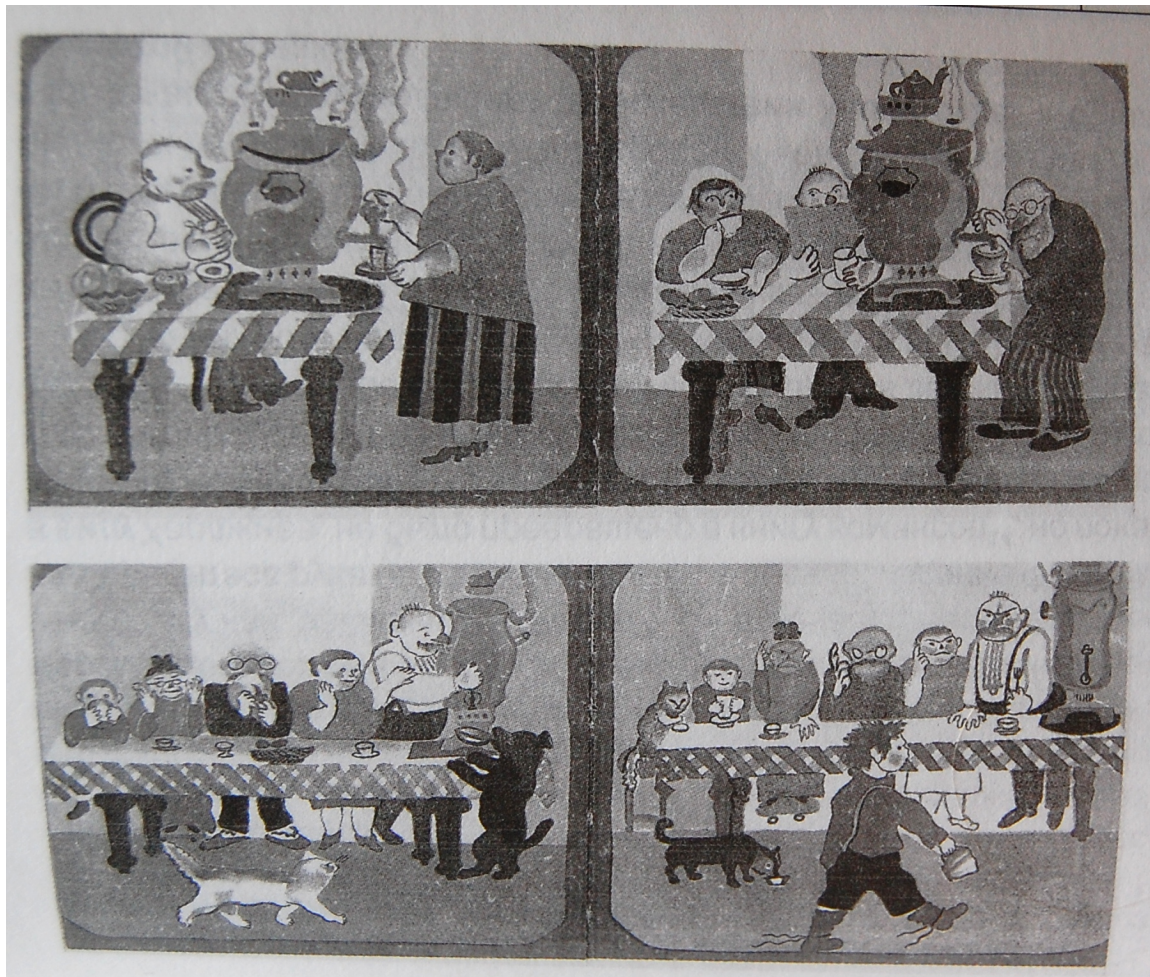
Наклоняли, наклоняли,
Наклоняли самовар,
Но оттуда выбивался
Только пар, пар, пар.

Наклоняли самовар,
Будто шкаф, шкаф, шкаф,
Но оттуда выходило
Только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иваныч!
На столе Иван Иваныч!
Золотой Иван Иваныч!

Кипяточку не дает,
Опоздавшим не дает,
Лежебокам не дает.

всё

Художник В. Ермолаева, 1927

Наклоняли, наклоняли,
Наклоняли самовар,
Но оттуда выбивался
только пар, пар, пар.
Наклоняли самовар
будто шнап, шнап, шнап,
но оттуда выходило
только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иванович!
На столе Иван Иванович!
Золотой Иван Иванович!
Кипяточку не дает,
опоздавшим не дает,
лежебокам не дает.

Рисунки к стихотворению напоминают комикс: каждая строфа проиллюстрирована отдельно. Начало нового эпизода связывается с появлением нового персонажа, подходящего к столу.

«Хармсиада. Анекдоты: Комиксы из жизни великих». Художник А. Никитин. 1998 г.

Комиксами иллюстрируют не только детские стихи Хармса, но и его взрослые произведения, например, анекдоты про Пушкина.

- **Играя с текстом Хармса, иллюстраторы нащупали важную особенность его поэтики – те правила, по которым писатель играет.**
- **Есть бесконечное число литературных игр, правила которых задаются в конкретном произведении конкретным автором. Эти правила не объявляются. Читатель должен эти правила «разглядеть».**

Даниил Хармс. МИЛЛИОН

Шел по улице отряд -
сорок мальчиков подряд:

раз,
два,
три,
четыре
и четырежды
четыре,
и четыре
на четыре,
и еще потом четыре.

В переулке шел отряд -
сорок девочек подряд:

раз, два,
три, четыре,
и четырежды
четыре,
и четыре
на четыре,
и еще потом четыре.

Да как встретились вдруг -
стало восемьдесят вдруг!

Раз,
два,
три,
четыре,

и четыре
на четыре,
на четырнадцать
четыре,
и еще потом четыре.

А на площадь
повернули,
а на площади стоит
не компания,
не рота,
не толпа,
не батальон,
и не сорок,
и не сотня,
а почти что
МИЛЛИОН!

Раз, два, три, четыре,
и четырежды
четыре,
сто четыре
на четыре,
полтора
на четыре,
двести тысяч на четыре!
И еще потом четыре!

всё

**Антон Антонович Антонов,
Фонтан Фонтанович Фонтанов,
Вагон Вагонович Вагонов,
Диван Диванович Диванов.**

**Федот Федотович Федотов,
Борис Борисович Борисов,
Компот Компотович Компотов,
Редис Редисович Редисов,**

**Захар Захарович Захаров,
Матвей Матвеевич Матвеев,
Кошмар Кошмарович Кошмаров,
Злодей Злодеевич Злодеев.**

**Сысой Сысоевич Сысоев,
Болтай Болтаевич Болтаев,
Постой Постоевич Постоев,
*Устал Я Больше Не Желает.***

A. Кушнер

Ср.:

У Пушкина: *кюхельбекерно, огончарован.*

- За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.
 - Я влюблен, я очарован.
Словом, я *огончарован.*
-

Веселися, Русь! Наш Глинка —

Уж не глина, а фарфор

(«Канон, слова Пушкина, Жуковского, князя Вяземского и гр. Виельгорского, музыка кн. В. Ф. Одоевского и М. И. Глинки», 1836).

У Хлебникова: «*О, Тютчев туч*» («Маркиза Дээс»)

. У Маяковского: «*Сыт, как Сытин*» («Мое к этому отношение (гимн еще почтее)», 1915).

У А. Белого: «*перетютчевил тютчевский ритм*» («О ритмическом жесте», 1917, – о ритмических контрастах стихов Н. Недоброво).

.

А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет
И думает, что он незаменим,
Что все на свете он переиначит,
Что *Пастернака перепастерначит*,
А я не знаю, что мне делать с ним.

1943. Ташкент

«О тех, кому еще, или уже, не от чего отречься, не с чем порывать, ради Пастернака говорить не приходится. Они будут *пастерначить, перепастерначивать друг друга, пока не испастерначатся в конце*» (С. Парнок. «Б. Пастернак и другие», 1924 — о «большой четверке» постсимволистской поэзии — Пастернаке, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштаме).

■ **Неологизмы из статьи Парнок получили распространение в интеллигентской речи.**

■ Оттого, что мы все пойдем
По Таганцевке, по Есенинке,
Иль большим Маяковским путем.

□ *Ахматова, 1932 (надпись на конверте без адресата;
отрывок из уничтоженных стихов нач. 1930-х гг.).*

Лев Лосев. СОН О ЮНОСТИ

Л.Виноградову

Вдруг в **Уфлянд** сна вбегает серый **вольф**.
Он воет джаз в пластмассовый футлярчик,
яйцо с иглой прячет в ларчик
и наизусть читает **Блока "Цвёльф"**.
Я в этом сне бездомным псом **скулле**,
но юра нет, а есть лишь снег с водою,
и я под ужас джаза вою,
вовсю слезу володя по скуле.
Тут юности готический пейзаж,
где **Рейн** ярится и клубится **Штейнберг**,
картинкой падает в учебник
"родная речь" для миш, сереж, наташ,
вить, рит (**рид**) и др., чей цвет волос соломен...
Но в лампе сна всегда нехваттка ватт.
Свет юности непрост, **ерёмен**
и темноват.
4 июля 1997

Поэт **Владимир Уфлянд**: «Филологическая школа (ж-л "Литературное обозрение") или Круг **Михаила Красильникова** (антология "Самиздат Века"). Оба эти названия относятся к вполне определённом кругу питерских авторов <...> **Миша** [Михаил Красильников] и его друг **Юра Михайлов** почти ни во что не ставили современную советскую поэзию и прозу, считая образцом творчества раннего Маяковского, Каменского, Асеева, Хлебникова и другой авангард, чему и учили своих новых последователей. В итоге **Лосев, Ерёмин, Кулле, Кондратов, Уфлянд и Виноградов** стали видными поэтами и прозаиками не свойственного советской литературе образа творчества. **Ерёмин** - один из самых глубочайших поэтов модернистической поэзии. Кулле - один из выдающихся поэтов верлибра. Кондратов - один самых многосторонних практиков всех приёмов авангарда XX века. Лосев и Уфлянд - поэты и прозаики самого действенного направления в литературе, объединяющего доскональное знание с ироническим осмыслением происходящего. Филологическая школа имела большое влияние на младших своих питерских современников, в том числе на Иосифа Бродского и Сергея Довлатова».

На фотографии слева направо, сверху: Михаил Еремин, Сергей Кулле, Нина Мохова, Владимир Уфлянд. Внизу: Леонид Виноградов, Маргарита Разумовская, Лев Лифшиц (Лосев). Фотография предоставлена Михаилом Ерёминым в 2001 г.

«Рид Грачев — один из самых талантливых литераторов нашего поколения» (Яков Гордин).

**Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.**

**Имя твое – ах нельзя! –
Имя твое – поцелуй – в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубокий.**

Сформулируйте правила игры.

- **Имя – эвфемизм**

Обыгравая имя «Блокъ», Цветаева пытается
прочувствовать его:

- **с помощью осязания**: оно так же непослушно и живо, как «**птица в руке**», оно так же упруго и осязаемо, как «**мячик, пойманный на лету**».
-

Обыгрывая имя «Блокъ», Цветаева пытается **прочувствовать** его:

- **с помощью осязания**: оно так же непослушно и живо, как «птица в руке», так же упруго и осязаемо, как «мячик, пойманный на лету».
 - **с помощью зрения** - имя можно *увидеть*, наблюдая за движением губ, которые это имя произносят: «**Одно-единственное движенье губ, / Имя твое – пять букв**».
-

Обыгрывая имя «Блокъ», Цветаева пытается **прочувствовать** его:

- **с помощью осязания**: оно так же непослушно и живо, как «птица в руке», так же упруго и осязаемо, как «мячик, пойманный на лету».
 - **с помощью зрения** - имя можно **увидеть**, наблюдая за движением губ, которые это имя произносят: «Одно-единственное движение губ, / Имя твое – пять букв».
 - **с помощью слуха**: имя можно **услышать** «в легком щелканье ночных копыт», в звуке «**звонко щелкающего курка**» или если прислушаться к тому, как **всхлипнет «камень, кинутый в тихий пруд**».
-

Обыгрывая имя «Блокъ», Цветаева пытается **прочувствовать** его:

- **с помощью осязания**: оно так же непослушно и живо, как «птица в руке», так же упруго и осязаемо, как «мячик, пойманный на лету».
- **с помощью зрения** - имя можно **увидеть**, наблюдая за движением губ, которые это имя произносят: «Одно-единственное движение губ, / Имя твое – пять букв».
- **с помощью слуха**: имя можно **услышать** «в легком щелканье ночных копыт», в звуке «звонко щелкающего курка» или если прислушаться к тому, как всхлипнет «камень, кинутый в тихий пруд».
- **с помощью вкуса**: имя можно **попробовать на вкус** («**Имя твое – льдинка на языке**»), («**Серебряный бубенец во рту**»).

Неназываемое имя замещается списком сравнений.

**В легком шелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко шелкающий курок.**

**Имя твое – ах нельзя! –
Имя твое – поцелуй – в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.**

■ **глубок**

- Последние рифмы второй и третьей строфы рифмуются с именем «**Блок**»:
- «И назовет его нам в вис**ок**/ Звонко щелкающий кур**ок**»; «Ключевой, ледяной, голубой глот**ок**.../ С именем твоим – сон глуб**ок**».
- В заключительном слове «глубок» имя адресата содержится в виде анаграммы: **гЛУБОКЪ**.

Кроме запрета на называние имени в стихотворении есть и другой запрет:

- «**Имя твое - ах, нельзя! /Имя твое - поцелуй в глаза...**»
- В соответствии с «артикуляционным» мотивом («**Имя твое – льдинка на языке, / Одно-единственное движение губ**», внимание читателя сосредоточено на «губах», но «поцелуй» - в «глаза».
- Запрет на эротическое развитие мотива, запрет на любовь.
- Благоговейное отношение лирической героини к Блоку напоминает поклонение лирического героя самого Блока Прекрасной Даме.

**Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.**

**Имя твое – ах нельзя! –
Имя твое – поцелуй – в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубокий.**

- Запрет на любовь связан и с мотивом **"снега"**, **"льда"**, **"стужи"**, **"недвижности"**, завершающимся итоговым образом **"сна"**: «В нежную стужу недвижных век,/Имя твое – поцелуй в снег./Ключевой, ледяной, голубой глоток...». Эти образы повторяются и в др. стихотворениях цикла, напр.: «Голубоглазый/Меня сглазил/Снеговой певец».
- Мотив зимней стужи, метели, снега неоднократно встречается у Блока. Цикл «Снежная маска» (1907).
- В стихах, посвященных Блоку, Цветаева хочет быть созвучной творчеству самого Блока.

- Усадьба ночью, **чингисхань!**
Шумите, синие берёзы.
Заря ночная, **заратустрь!**
А небо синее, **моцарть!**
И, сумрак облака, будь **Гойя!**
Ты ночью, облако, **роопсь!**
Но смерч улыбок пролетел лишь,
Когтями криков хохоча,
Тогда я видел палача
И озира́л ночную, смел, тишь.
И вас я вызвал, **смелоликих,**
Вернул утопленниц из рек.
«Их незабудка громче крика», —
- Ночному парусу изрек.
Еще плеснула сутки ось,
Идет вечерняя громада.

Мне снилась девушка-лосось
В волнах ночного водопада.
Пусть сосны бурей **омамаены**
И тучи движутся **Батыя,**
Идут слова, молчаний **Каины,** -
И эти падают святые.
И тяжелой походкой на каменный бал
С дружиною шёл голубой **Газдрубал.**

(1915)

- **Газ(с)друбал** - имя нескольких выдающихся карфагенских полководцев. Более других известен младший брат знаменитого Ганнибала.

-
- Окказионализмы: **чингисхань, заратустрь, моцарть, роопсь, омамаены.**
 - образованы от имен собственных, в форме императива и краткого страдательного причастия.
-

Фелисьен Ропс (Roops) (1833 – 1898) – бельгийский художник-символист, друг Бодлера.

-
- **Связаны ли значения этих
окказионализмов с личностью
тех, кому принадлежали
исходные имена?**
-

- Говоря о Хлебникове, Н.Я. Берковский заметил, что в его поэзии часто встречаются украинизмы и полонизмы, и они никогда не используются для создания местного колорита. В тексте произведений Хлебникова иноязычная лексика приобретает новые значения. Происходит «братание» чужой речи с русской – а **значит, возможности русского языка расширяются за счёт инонациональных языков.** (Н.Я. Берковский. Велимир Хлебников. // Н.Я. Берковский. О русской литературе. Л., 1985, С. 345).
- Тот факт, что в одном ряду оказываются имена деятелей самых разных культур (имена восточных персонажей рядом с именами западных) показывает, как безгранично, почти космично, это расширение.

Виктор Лунин

Где гукают гуки,
Где глюкают глюки,
Где гудят грубогубно гудки,
Где грустнеет грустника,
Где глядит гляденика,
Где густятся густей гоготки,
Где гадалки гадают,
Где гулялы гуляют,
Где горгон горгонеют глаза,
Где говеют говята,
Где гуртеют гуртята,
Где, грозна, грозовеет гроза,
Где гаркавят гаркуши,
Где гостят говоруши,
Где голубится гал голубой,
Гордовыйный, гриватый,
Головоголопятый,
Громогонный гремит градобой.